

Цветок Востока

Автор:

Янка Рам

Цветок Востока

Янка Рам

Восточная девочка из радикальной мусульманской семьи, попавшая в российских реалиях в сложную жизненную ситуацию. Неблагонадёжный мусульманский муж и горячий русский парень, влюблённый в чужую восточную жену. Столкновение менталитетов, столкновение мужчин, внутренний конфликт героини. И очень мало версий благоприятного исхода ситуации. Особенно, когда в конфликт вмешиваются старшие и всплывают семейные тайны...

Содержит нецензурную брань

Янка Рам

Цветок Востока

Глава 1

За окном уже мелькает пригород. Мы едем молча. Джан курит и бросает на меня недовольные взгляды. Не вижу этого, но чувствую. Каждый ранит меня. Мне хочется стереть их со своей кожи. И от дыма этого тошнит!

Веду рукой по шее. Длинные серьги скользят по моим пальцам. Золото с сапфирами. Свадебный подарок отца – серьги и ожерелье. Мне хочется скорее

снять удушающие драгоценности. Устала...

- А мне говорили, что восточные женщины покорные.

Молчу, закусывая от обиды губу. Специально говорит со мной на русском. Знает, что он тяжело даётся мне!

- А ты, Жасмин, позоришь своего мужа!

- Я позорю?! - не выдерживаю, поворачиваясь к нему.

- Говори на русском. Ты в России. Мать же у тебя русская!

Русская! Да только не видела я её ни разу.

- Ты забыл... что значит... как это... - стараюсь я сформулировать. - Честь! Люди эти... при жене твоя... гадко говорят, шутки... ты смеёшься!

- Это потенциальные инвесторы. Инвесторы - это бабки! Могла бы и потерпеть!

- Ты не восточный мужчина! Семья - восточный. Имя - восточный! Лицо - восточный! А... как это... нутро! Нутро у тебя не восточный.

- Натура! - поправляет с раздражением. - Натура. «Как это»!! - пренебрежительно закатывает глаза.

- Кто жену... садить за стол с... такими людьми??

- Людьюми!! Не можешь говорить правильно - молчи! Как положено женщине. В твоей... кёй тебя не учили?

- Кёй?! Я - Асил метреси! - выпрямляю спину. - Моя семья из Кайсери, я жила... в... как?... Дворец?... Я училась! Университет! Ты моего отца просил сильно, чтобы я за тобой пошла!

- За тебя! - поправляет снова.

Исправляет только когда хочет унижить. Лучше бы больше говорил со мной. Может быть, и исправлять не приходилось бы.

- Говорить - любишь! Баба, аmsа за тебя говорить... просить! Севджили люди!

- Зря просили. Вас, восточных женщин, за что любят в России? За внешность роскошную и характер покладистый. А мне бракованная попалась.

Резко тормозит у дома. Вскрикиваю, хватаясь за ручку над окном, чтобы не влететь в лобовое стекло. Локоть больно бьётся о дверь.

- Ты мне обещал, что я буду учиться! - снова перехожу на родной язык. - Отцу моему обещал!

- Выучи русский для начала.

- Как мне его выучить? Найми репетитора! Дай компьютер с самоучителем!

- У меня сейчас не очень хорошо идет бизнес, и ты в курсе. Всё равно не смогу платить за твоё обучение. Ты даже не представляешь, какой выкуп мы твоему отцу за тебя отдали! Четыре миллиона!

- Женщине не надо про деньги думать, зачем ты мне это говоришь? Зачем брал, если не можешь сдержать обещаний?! Семью достойно содержать?

Вылетает из машины, хлопая дверцей.

А что я такого сказала? Отец так братьям всегда говорил.

Выхожу следом.

Не удосужится же открыть!

А братья всегда открывали мне, руку подавали, - вспоминаю я с тоской. Мама Наргиза предупреждала, что в разных семьях по-разному относятся к женщине. Надо привыкать, как уж есть.

Ветер пронизывает насквозь моё тонкое платье, обжигая открытые плечи.

Пальто в машине на заднем сиденье. Дёргаю за ручку, чтобы достать. Закрыто.

Смотрит на меня зло. Специально не открывает. Обнимаю себя руками за плечи. И внутри меня тоже начинает кипеть от обиды!

- Ты договоришься, возьму вторую жену!

- Ты одну обеспечи, мужчина!

- Вот завтра и приведу!

- Русскую бери!! Хоть язык выучу.

- Дура... Что - даже не ревнуешь?

- Зачем ревновать? Не по любви за тебя шла. Из уважения к отцу. Хоть от рук твоих отдохну!

- Рук моих?! Да за меня любая бы пошла. Любая!! Рыба холодная... - с ненавистью. - Даже глаза у тебя прозрачные как лёд! Чтоб ты околела!

- Может, это ты огонь разжигать не умеешь? - меня передёргивает от воспоминания этих его животных движений в моё тело.

А жена Амира говорила, что это приятно должно быть девочке, но не все мужчины умеют... И с моего языка срывается: - Поговори с братьями, пусть тебе подскажут, научат, как жену любить.

Он опять говорит на русском что-то гневное, грязное. Не понимаю, но чувствую отвращение к каждому слову.

- На нашем языке говори. Это язык твоих предков!

– Я высеку тебя! – переходит он на турецкий.

– Здесь же Россия! Нельзя бить, ты говорил. Отец никогда меня не бил! Отец тебе говорил – другую бери! У меня двенадцать покладистых сестёр. Зачем брал с норовом?! Отец предупреждал, что со мной нельзя строго!

– «Отец, отец»! Нет тут твоего отца! Только я есть! Не воспитал тебя отец как положено, так я воспитаю.

Неожиданно мои губы взрываются от боли! Вскрикнув, отлетаю спиной на кирпичную стену дома. Лицо немеет, голова кружится...

Никогда меня не били, ни отец, ни матери мои. И с сёстрами мы не дрались. И я замираю растерянно.

У меня шесть старших любимых братьев. И мне хочется пожаловаться сейчас каждому! Но никто не может ведь заступиться, как раньше. Муж...

– Так вас на Востоке мужья учат?

Делает шаг ко мне, и в моих глазах темнеет от страха, я прячу лицо в ладонях.

На моих ладонях мокро. Отодвигаю, с удивлением разглядывая красные разводы.

Отбрасывает мои руки, сжимая пальцами за подбородок.

– С норовом?! Так я обуздаю. На колени встанешь – открою дверь. Нет – останешься здесь.

Разворачивается и уходит, хлопая входной дверью.

От холода мои зубы начинают стучать. Делаю шаг к машине и слышу, как пиликает сигнализация, блокируя двери.

Разворачиваюсь. Наблюдает за мной из окна, зло оскалившись.

Мама Наргиза всегда мне говорила: нельзя так с мужчинами разговаривать. Ругала очень за характер.

Но он – не мужчина!! Не мужчина он!!

На колени?!

Ни за что!!!

Перед отцом бы встала, перед братом встала, перед ним не встану.

И я стою растерянно в шаге от двери моего дома. Лицо ноет, от холода трясёт, потёкшая тушь щиплет глаза.

Ни за что...

Разворачиваюсь.

Чужая страна. Чужие люди. Никого у меня здесь нет, кроме мужа. Где-то есть ещё мама, если она жива. Но я даже фамилии её не знаю.

От отчаяния по щекам льются слёзы.

Открываю сумочку, там паспорт, российский паспорт. Немного косметики, зеркальце, салфетки. Достāju их, чтобы вытереть кровь. Телефон у мужа. Да и кому мне звонить? Денег нет. Зачем? Одна я из дому не выхожу.

Куда идти?...

Нельзя женщине так уйти. Ничего хорошего с ней не случится, если из дома уйти, от мужа. Обидит любой, кто захочет. Никто не заступится. Оглядываюсь на дверь. На окно.

Он задёргивает штору, включает свет.

Тут только один мужчина обижают, а там?... – смотрю со страхом на дорогу за низкой оградой.

Там едут чужие машины.

Куда идти?

Некуда идти.

И я стою, леденея под порывами ветра, обхватив себя руками.

Мамочка... Зачем я девочкой родилась?...

Глава 2

– Лёха!!

– М?

– Ты чо завис опять, братишка?

Опускаю взгляд.

Миха подсаживается рядом на мат, несильно толкает кулаком в плечо.

– Видел её?

– С утра.

– И?

– Что, бл*ть, «и»? Замужем она. Замужем!! Что я могу сделать?!

- Муж не стенка.

- Мих... Это другая история. Восточная женщина, понимаешь? Она и взгляд на меня не поднимает. Я даже улыбнуться ей не могу. Она не видит меня. Уверен, даже не догадывается, что я существую.

- Выкради!

- Была бы девушкой – может, и выкрал бы. Но она же жена. Там семья. Так нельзя.

- «Нельзя», Лёха, это вот то, что с тобой последние пару месяцев происходит. А влюбился в женщину – забирай её. Надо – и от мужа забирай.

- Забирать? Ты её не видел. Она – богиня! Я таких женщин не встречал ни разу. Не касался. Не говорил даже. Она же в золоте вся с ног до головы. У них дом шикарный, тачка... А что я ей предложу взамен? Съёмный лофт, покатать на байке и горячий трах по вечерам?

- Не прибедняйся. Нормально ты зарабатываешь. Будет у тебя свой дом.

- Нормально? Да я на одни её серьги год своих «золотых» тренировать буду, а то и два!

- Счастье не в этом.

- Да? А как я ей это докажу?

- Ну выходит же она куда-то?

- Одна – нет. Да я и не уверен, что она на русском говорит, вообще.

- А на каком?

- Я не знаю. Иранский, арабский... Я не разбираюсь. Слышал пару фраз. Голос у неё... – закрываю глаза, погружаюсь в очередную волну накатывающей дрожи.

- Это, конечно, всё сильно усложняет.

- Да что усложняет-то? Не могу же я реально её выкрасть. А других обстоятельств для разговора у нас быть не может.

- Это же просто женщина, Лёх.

- Она - богиня! - вдыхаю поглубже, по коже мурашки. - Юная... Статная... Гибкая... Глянцевая! Взгляд... Один раз словил только его. И сразу «в мясо» просто! Голубые глаза, яркие, светлые, как кристаллы, подсвеченные изнутри! Пронзительно очень! Как будто мне по лицу врезали. Очень оглушающе. Кожа оливковая, смуглая, как жемчужная мерцает... Брови - чайки! Да у нас девчонки такие лица у хирургов сделать пытаются за огромные бабки. Только всё это не то... У неё живое лицо! Эмоции все на нём, как у ребёнка!.. А талия! - мои пальцы машинально вырисовывают её силуэт. - Грудь, попочка... такие прям... мммм... - сжимаю пальцы, закрываю глаза. - Волосы! Я только в рекламе такие видел - копна каштанового шёлка! Они текут по ней словно! Это не женщина - это эталон! Аааа!!! Не могу я! - мои уши закладывает от нахлынувших чувств. - Что мне делать?!

- Иди, Ромео.

- Куда?...

- Пацаны там твои пришли, ждут уже минут двадцать.

- Чёрт! - смотрю на время.

Захожу в зал.

- Чего стоим? - оглядываю группу. - Пять кругов бегом. Потом разминаемся. Отрабатываем сегодня выход из болевого. Юнусов и Марченко, завтра едете на спарринги в спорткомплекс от нашей спортивной школы. Не облажайтесь.

Пацаны лениво подрываются, бегут, образуя круг. Со «старичками» здороваюсь за руку, когда пробегают мимо.

– Тренер... – подходит один, заговорщически улыбаясь. – А можно я Ваш телефон сестрёнке старшей дам? Очень просила.

– Зачем?

– Нравится Вы ей.

– Не сводничай, Серый, – хлопаю его по плечу. – Лучше вечером походи к Михе, пусть он тебе пресс прокачает. Мягкий ты какой-то... Бегом давай.

Втыкаю наушники в уши.

Пацаны месят друг друга на матах. Иногда подхожу, правлю на автомате технику. А внутри всё горит... Тело сводит от бессилия. И я бегу по залу, тормозя на каждом круге у груши, и выплёскиваю на ней свои эмоции. Тяжёлая груша летает от каждого моего удара, пока кожа не лопаётся на костяшке. Жжёт. Достаяю из кармана ленту тёмной ткани, обматываю кулаки и продолжаю свой бег. Тренировка заканчивается, всех отпускаю. Делаю ещё несколько кругов по залу. Падаю на маты. Не хочу ничего. Не могу ничего! Изнуряющее, жгущее ощущение в груди! Настолько жгучее, что я даже не чувствую разбитой костяшки.

Как?

Ну как?!

Как это сделать?!

– «Скажи, как мне жить, если нет стимула...»

Почему так?! Почему??... Почему я не могу быть с ней? Зачем тогда я увидел её? Поднимаю глаза к небу: – Зачем ты показал мне её? Взгляд её дал прочувствовать? Привязал намертво?!

Как мне к ней «прикоснуться»?!

Закрываю глаза, представляя её на моём диване. Улыбку её жемчужную...
Просто сидеть и...

К коленям её... Обнять... хотя бы раз... Представляю, как пальцы скользят по роскошным волосам, пытаюсь представить себе ощущение.

И губами по этим гладким плечам...

За руку взять...

Вспоминаю изящные кисти, усеянные золотыми кольцами, обвитые браслетами.

Кольца. Золотые. Массивные. И браслеты. Там, наверное, грамм четыреста чистого золота и камней драгоценных на ней. У меня нет возможности дарить такие вещи!

Подрываюсь с матов.

Дело же не в этом! Замужем она. Замужем!!! И по сторонам не глядит. Ни одного осмысленного прямого взгляда между нами не было.

Но и на мужа не с любовью она смотрит!

И от этого мне ещё беспокойнее и горячее!

Как?...

– Миха, я всё на сегодня.

– Поехали к нам? Пиццу закажем, пивка попьём. Кинчек какой-нибудь посмотрим. Симка сегодня с подружками тусуется.

Отрицательно машу головой.

– Она?... – вздыхает он, раздражаясь.

Не отвечая, тяну ему руку.

Пожимает.

Мой чёрный мустанг ждёт на стоянке. Надеваю шлем...

Между бёдер низко урчит мотор, увеличиваю обороты...

Я бы покатал её! Уверен, что она ни разу не ездила на байке. Это ведь нельзя сравнить с машиной. Я бы её покатал... Я бы её... Я бы...

Ааа!!!

Скорость немного отвлекает.

Сегодня очень ветрено. С трассы постоянно сносит боковым потоком. Надо было оставить байк и ехать на такси. Подъезжая к дому, скидываю скорость.

Мой дом напротив их дома. Через дорогу. Низкие оградки позволяют мне безнаказанно любоваться на её силуэт в окнах и иногда видеть её очень близко, когда они уезжают или приезжают.

Ещё издали вижу хромированные крылья дорогой тачки, которая сворачивает с дороги. Торможу у их дома, поворачиваю голову, не снимая шлем.

Её волосы кружат вокруг лица под порывами ветра. Она эмоционально взмахивает руками.

Что-то происходит! Не слышу через шлем, но чувствую эмоции. Рифлёная подошва моих берцев упирается в асфальт. Снимаю шлем. Машинально подцепляю ножку, чтобы поставить байк.

Зачем я паркуюсь здесь?...

Не успеваю раскрыть полностью подножку.

Его рука летит, ладонь наотмашь врезается в её нежное лицо. А получаю удар я. По выдрессированной за последние пару месяцев выдержке. Дыхание срывается! Вижу, как она отлетает к стене и прячет лицо в ладонях.

Подножка так и остаётся не открытой до конца, и я роняю байк, дёргаясь от удара по колену.

Её лицо в крови, и кровь стучит мне в глаза, в виски. Слепну.

Мне больно!!

Срываюсь с места!

Торможу.

И что? Дальше что?! Зайти на его территорию, втащить ему?

Он хлопает дверью.

Надо идти домой! – уговариваю себя. Это их семья. Их ситуация. Нельзя вмешиваться. Он тормознул сам. Всё!

Неуверенно делаю пару шагов назад. Поднимаю байк.

Уйти? Как уйти-то?... Она там! Слёзы, кровь... Растерянные глаза. Испуганная!

Ощупывает себя тонкими пальчиками.

Как уйти?...

Сжимая зубы, поднимаю и отвожу байк через дорогу к своему входу.

Паркую.

Разворачиваюсь.

Стоит!

Трясётся вся. Плечи голые!! Холодно – жуть! Даже сквозь толстовку и кожаную куртку я чувствую, как холодно. А на ней только кусок атласа.

– Иди домой... – шёпотом уговариваю её.

Стоит. Шаг к двери. Застыла.

Шаг к дороге... опять замирает. Из маленькой сумочки достаёт салфетки, вытирает губы.

Как можно по ним ударить?!

Меня передёргивает от озноба.

– Иди домой...

Но она не идёт. Замерла, выпрямив спину. И я не иду тоже! Как я могу пойти в тепло, когда она тут мерзнет?

Минута, вторая...

Стоит.

Я вижу, как её трясёт.

Почему он не выходит за ней?!

Разворачивается опять к дороге. Несколько шагов на выход.

Замирает, пытаюсь согреть дыханием ладони. Ещё один несмелый шаг. Ещё один...

Стоит.

Надо уходить отсюда.

Он выйдет за ней сейчас. Конечно же, выйдет!

Ломая себя, захожу в дом, включаю свет.

Не раздеваясь, сажусь на диван, закидываю голову на спинку и закрываю глаза. Секунды в моей голове тикают. Превращаются в минуты.

Всё во мне рвётся туда, где я оставил её.

Согреваюсь. Становится жарко. Открываю глаза, смотрю на часы.

Она, конечно, уже дома.

А если нет?!

Это чужая жена.

Жена.

Чужая.

Да бл*ть!

Срываюсь к окну.

Стоит там! Вытирает слёзы. Как пьяная, пошатываясь, медленно идёт к дороге.

Что происходит?!

Так же и замёрзнуть можно! Женщина ведь! Нельзя так! О чём он думает?!

Швыряю ключи от байка на стол и выхожу на улицу.

Иду к ней навстречу, сердце ухает в груди, оглушая меня.

Сейчас она узнает, что я существую.

Рот пересыхает. Я не знаю, что сказать ей!

Если он сейчас выйдет, я его урою. Без всяких, сука, пояснений. Просто за то, что она, замёрзшая, с разбитым лицом, на улице.

Ускоряюсь.

Делает неуверенный шаг на дорогу. Даже не смотрит по сторонам! Наши дома у самой трассы, и тачки летят. Доходит до середины дороги. Замирает, закрывая глаза. Вижу, как её плечи расслабляются. Покачивается на ветру. Всё! Замёрзла уже так, что не чувствует ничего!

Подлетаю, сдёргивая с себя на ходу кожанку. Накидываю на плечи, сжимая их. Её черные огромные ресницы как два веера... Под красивым изгибом брови мерцают мелкие стразы. Пахнет от неё чем-то восточным, дорогим и пьянящим.

В горле стучит.

Всё это мне кажется сном.

Чувствую, как она начинает оседать. Рывком прижимаю к себе гибкое податливое тело, удерживая за затылок.

Мои горячие губы касаются ледяного плеча, а по пальцам скользят шёлковые пряди.

И это в тысячу раз сногшибательнее, чем я представлял.

Подхватываю на руки...

Глава 3

В ушах шумит.

Вот ОНА. На моём диване. И я у её ног.

Какой реальный сон!

И в моей лофт-студии пахнет теперь восточными пряностями.

Всматриваюсь в лицо.

Густые ресницы медленно открываются, хлопает ими и смотрит непонимающе. Она как после наркоза.

Губы синие...

Подскакиваю на ноги. Выдёргиваю из шкафа большое пуховое одеяло. Рывком двигаю тяжёлое кожаное кресло ближе к камину. Снимаю с неё куртку и поднимаю на руки. Тихо вскрикнув, сжимается, а глаза испуганно распахиваются.

Пересаживаю на кресло. Молча укутываю одеялом.

Надо снять с неё туфельки...

И я, немного подтормаживая от своей смелости касаться ее так, снимаю их.

Тонкие щиколотки, на одной – три браслета с жемчужными бусинами. Красивый золотой педикюр. На среднем пальчике тоненькие колечки. И я торможу ещё сильнее, разглядывая эти волнующие детали. Встряхиваюсь. Закутываю её ноги одеялом.

Поднимаюсь.

Мы сталкиваемся взглядами.

Её снова начинает трясти. Поднимает руки, закрывает ладонями лицо. Пальчики съезжают чуть ниже, и я каменею от этого взгляда. Из глаз потоком слёзы. Ручейки туши бегут по щекам. Но это совершенно не портит её красивого лица.

Камин разжечь!

Кидаю в уже выложенные поленья горсть мелких щепок. Спичка. Запах дыма... Маленький огонёк пляшет по коре. Открываю заслон для вытяжки. Сейчас разгорится.

Поворачиваюсь к ней.

Беззвучно рыдает.

- Всё хорошо! - пытаюсь успокоить её срывающимся голосом.

Отрицательно качает головой.

- Ты в безопасности. Тебе нужно согреться. Всё хорошо.

- Нет! - её зубы стучат, брови гневно съезжаются на переносице. - Не хорошо. Теперь всё!

Вскидывает категорично ладони.

- Что - «всё»?

- Мне теперь всё! Упала! Грязная! Только бить, прогнать! Позор! Зачем трогал?! - жалобно смотрит на меня.

- Почему?... - сглатываю ком в горле.

- Чужой мужчина. Наедине. Всё! Отцу позор. Мужу позор. Умереть лучше!

- Я же к тебе не притронулся!

- Кто поверит? - пылливо прищуривается. - Как доказать? Никак! Если девушка - жениться! Если жена - всё!

- Почему ты домой тогда не пошла? Зачем на дорогу вышла??

- Глупая... - всхлипывает. - Обида! Гордость! Нельзя женщине... - ресницы стыдливо касаются высоких скул. - Дверь... ключ... не зайти. Муж не пустит! Наказал так!

- Вот урод! Садист!

Вздрагивает.

- Что?... Не понимаю.

- И что - стоять замерзать теперь? Смотри, там снег уже пошёл.

Опускает глаза.

- За что он с тобой так?

- Заслуживала. Как это... язык... Дерзкий?

- За что? Чёрт...

Прикасаюсь пальцами к её ожерелью. Оно широким плетёным ошейником охватывает шею и спускается на грудь в декольте. Ледяное!

Испуганно дёргается от меня.

- Снимай немедленно! Отморозишь себе всё. Заболеешь! И уши тоже. Серьги.

- Нельзя... - возмущённо смотрит, прикрывая ожерелье ладонью.

- Почему?

- Это... Как это... - хмурится. - Защита отца!

Всматриваюсь в её глаза, отрицательно качаю головой. Не понимаю.

- Оно ледяное. Шея, уши. Отморозишь!

- Нет. Нельзя.

- Да почему?!

- Отец любит дочь - дарит. Дорого. Муж может выгнать. И всё. С голоду умереть тогда. А это защита. Надо всегда чтобы на тебе. Домой не зайдёшь, не заберёшь! Только то, что на тебе - твоё. Всё, что в доме - мужа. Кто любит - дарит защиту.

Показывает по очереди колечки на пальцах.

- Брат Амир. Амла Саид. Брат Хазир. Тётя Амина... Баба... А это...

Показывает на колечко - тоненький ободок, выбивающийся по стилю из других. На нём цветочек: пять круглых лепестков, один отломан. Похож на цветок жасмина.

Мне нравится чай с жасмином, нравится наблюдать, как эти цветы раскрываются в кипятке.

- ...От мамы родной передали.

- И что - никогда не снимаете эту тяжесть??

- Если муж не любит. Или... как это... Бах!! - всплёскивает руками. - Взрывается!! Гнев!

- Вспыльчивый?

– Да! Нельзя снимать... – отрицательно качает головой. – В любой момент на улице! Беременная можно снять. Не может прогнать. Родила – может.

– А отец? К отцу вернуться?

– Как ему забрать?... Нельзя. Выкуп уплачен! А выгнали – плохая жена! Позор. Возьмёт домой – сёстры брать не будут в жены. Люди скажут – такие же!

– Мракобесие какое-то!

– Что?... – внимательно смотрит.

– Откуда ты? Кто по национальности?

– Аталар – арабы, Иран. Баба – турок. Мама – русская. Я... – пожимает плечами. – Я в Кайсери... живу... жила?

– В прошлом веке? – вздыхаю я. – В Турции давно уже всё по-другому. Девушки в миниюбках и...

– Что? Не понимаю.

– Почему нравы такие суровые? Законы давно сменились.

– Севджили семьи по-старому живут. Традиции. Низкие семьи как на западе живут. Честь забыли.

От того, как двигаются её губы, моя голова кружится, и я каждый раз ловлю свой порыв сократить между нами расстояние и попробовать их на вкус. Теряю смысл того, что она говорит, пытаюсь унять дрожь, охватывающую меня от её голоса. Он – низкий, ласковый, проникновенный и хрипловатый, когда она говорит спокойно, а когда очень волнуется – звенит, как серебряный колокольчик.

Захлопываю глаза, чтобы не испугать её своими откровенными взглядами.

Что я хотел сделать? О чём мы вообще?

- Так! - протягиваю ей сумку. - Всё можешь спокойно снимать. Положи в свою сумку. Я тебя никогда и никуда не прогоню. И ни к чему не притронусь. У нас в России ЭТО честь - не обидеть гостью. Согрется металл, захочешь...

- Нет! Нельзя.

Прикрывает ладонью.

Ладно...

Полыхающий огонь уже жжёт мне спину, и я отодвигаюсь, чтобы жар шёл на неё.

- Я тебе сейчас чай сделаю. С жасмином любишь?

- А? - удивлённо распаивает заплаканные глаза.

- С жасмином...

- Жасмин.

- Жасмин... - киваю.

- Откуда знаешь?... - прищуривается опасно.

- Чего знаю?

- Имя.

- Ты - Жасмин?! - доходит до меня, и губы против воли растягиваются в улыбке.

Кивает.

Точно принцесса!

- А я Лёха.

- Лё-ха? - неуверенно хмурит брови.

- Алексей. Лёша. Лёха.

- Короткое?

- Да.

- Моё - Яся, - на секунду улыбка озаряет её грустное, испуганное лицо.

- Яся... - повторяю шёпотом.

- Мама так придумала.

Но улыбка тут же испаряется. Она неуверенно встаёт, снимая с плеч одеяло. Делает глубокий вдох.

- Я должна пойти.

- Куда?...

- На улицу. Где оставил муж быть.

- Зачем?! Ты же сказала: будет бить и прогонит!

- Да.

- А зачем тогда идти?

- А что мне делать? - жалобно. - Я не знаю. Придёт, заберёт, хуже будет.

– Куда уж хуже-то? Нет. Ты не пойдёшь туда. И тебя никто не заберёт. Ты здесь в безопасности и под моей защитой.

Это безумно сладко говорить! Безумно!!! И мне кажется, я сверну все горы этой планеты.

Просто доверься мне! Пожалуйста.

Глава 4

Он совсем не похож на наших мужчин. Совсем. Глаза у него светлые, как у меня, только зелёные.

Так смотрит он...

Как кобра, наблюдая за каждым моим движением.

Не понимаю его взгляд. И внутри меня что-то тревожно бьётся. Что-то трепетное, намешанное со стыдом и страхом. Как будто я... голая!

Он говорит со мной ласково, простыми словами, и мне легко понимать смысл, хоть я и не все слова узнаю. И он не раздражается от моего плохого русского.

– Не уходи. Тебе необязательно туда идти.

– Остаться нельзя.

– Почему?

Как он не понимает?!

– Как остаться?!

- Так. Останься. Зачем идти туда, где тебе плохо?

- Такая... как?... судьба? Такая судьба. Бог дал такой муж. Терпеть теперь. Принимать судьбу.

- Яся, зачем терпеть?

- А как жить, Лё-ша?

- Здесь живи, - тяжело сглатывает он. - Со мной.

- Кто я здесь? Нет. Нельзя русский мужчина верить. Вы одну берёшь. Надоела - прогнал. Вторую берёшь... Много берёшь! Всяких! Грязь в семье. Не заботишься. Только пользоваться! Дети растут ничьи. Ты потом чистую возьмёшь, а я - пошла вон!

- А наши женщины так о ваших мужчинах говорят. У нас одна жена. У ваших - много.

- Наши мужчины берут одну, две, три. Сколько могут достойно обеспечить. Каждую любят, кормят, заботятся. Навсегда. Дети все с отцом. Защита. Семья. Ваши - берут как животные. Сегодня жена - завтра никто.

- Мужчины разные. И у вас, и у нас. У вас что - все хорошие мужья?

- Нет. Есть плохие.

- У тебя какой?

- Нельзя сказать про мужа - плохой. Бог дал - заслужила такого.

- Яся, я не говорю: как жена со мной живи. Как гостя живи. Я буду о тебе заботиться.

- Как одна жить, без мужа? Без мужа - это для всех жена! Обижают. Используют. Грязь. Гадко. И ты так сделаешь! Пусть лучше муж убьёт! И конец...

Надеваю холодные туфли.

- Нет, нет! - поднимает ладони, делая несколько решительных шагов ко мне.

От неожиданности резко подаюсь назад и падаю снова на диван.

Зачем он подходит так близко?!

Нерешительно застывает. Оседают на колени к моим ногам.

Боже... Боже... Какой кошмар! Если Джан узнает...

Закрываю ладонями лицо.

Лучше тогда под машину! Как в глаза смотреть?! Как о таком рассказать?

- Ясь... не ходи туда. Я как брат заботиться буду. Не буду тебя трогать. Ты в России. Здесь всё по-другому. Если женщине плохо с мужем, она может уйти. Отдельно жить. Второй раз замуж выйти. Никто не смеет её бить! Это противозаконно.

Не совсем понимаю, что он говорит.

- Второй раз? - хмурюсь я. - Какой достойный возьмёт? Никому не нужна.

- В России всё по-другому. Для мужчины ценность женщины не в том, что он первый. А в том, какие между ними отношения. В чувствах. В любви...

- Любовь - плохо. Только страдать. Лучше уважать, и всё.

- Уважаешь мужа своего?! - сердито прищуривается.

Отрицательно качаю головой. Чего уж...

- Смирения нет. «Бракованная»! - опускаю взгляд.

– Ты – бракованная? – ползут вверх его брови. – Выходи за меня! Моей женой будь!

Что он такое говорит? Может, я не так понимаю?

– Как это?...

– Хочешь быть замужем – выходи за меня. Я не буду тебя обижать. И заботиться буду. Любить буду!

Как это возможно? Только здесь такое возможно. Как варвары живут!

– Ваши браки – ничто. Нет защиты. Блуд! Бумажка, и всё! Наши аталар заключают! Ответственно.

– Ответственно?! У нас собаку в такой холод на улицу не выгоняют. Он жену выгнал! Защита это?! Ясь... Ну я понимаю, что звучит это всё несерьёзно. Ты не знаешь меня... пока... Но если тебе умереть лучше, чем с ним жить. Зачем тогда?... Попробуй жить по-другому. Что ты теряешь? Богатство?

– Нет богатства, – качаю головой. – Всё долги... как это? Кредит? Дом, машина, в доме всё – кредит! На родине так не бывает. Что есть – твоё. А тут есть, а не твоё. Только пыль глаза! Богатые нищие!

Его пальцы тянутся к моей руке, лежащей на диване.

Всё внутри замирает. Я медленно тяну руку к себе. Не надо, пожалуйста!!

– Нельзя трогать, – отрицательно качаю головой.

– Даже за руку нельзя? По-дружески?

– Что это? Не понимаю.

– Просто хорошие отношения. Как брат и сестра. Брат тебя может... обнять?

- Зачем?... Когда маленькая - может. Тринадцать лет - всё! Девушка. Нельзя.

- Давай так, - вздыхает он. - Ты останешься как гостя. Я помогу тебе.

Кусает губы, подбирая слова.

- ... Ты хотела бы жить самостоятельно? Не зависеть от мужа. Без него жить. Сама решать всё.

- Тяжело. Плохо так жить. Никто не заступится. Все обидят. Уважения нет. Отцу позор.

- Никто не обидит! Почему плохо? Пойти туда лучше?!

И я представляю, как пойду сейчас домой. На колени встать? Прощения просить? Рассказать, что с другим мужчиной была? Унижать будет! Бить будет! Прогонит!! Здесь остаться?! Как наложница жить с чужим мужчиной?! Потом тоже прогонит!

И я снова закрываю лицо ладонями. Пусть моё сердце остановится!!

- Не лучше. Умереть лучше...

- Яся...

- Зачем ты меня забрал?!

- Я тебя спас.

- Ты погубил! Позор! Надо было раз - и всё! Зачем трогал??

- Тебя бы сбила машина. Или замёрзла бы там к чёрту!!

- И пусть!! Домой - не надо. На колени - не надо!! Отцу - не позор! Закрывать глаза, и всё! Всё!!! - отчаянно пытаюсь ему объяснить.

Почему он не понимает?! Почему???

- Не смей такого говорить! Ты юная совсем! Только начинается жизнь у тебя!

Всё расплывается от слёз, и очень горячо внутри.

Веки тяжёлые...

И в ушах шумит.

- Пойду обратно. Не трогай больше.

Говорю решительно. Но знаю, что как только выйду отсюда, мне опять будет очень страшно и горько. Обидно. И очень сложно завершить то, на что я решилась. Или очень хочу решиться. Потому что всё остальное гораздо невыносимее!

Отодвигаюсь к краю дивана, чтобы встать и не коснуться его.

Встаю. Пошатываясь, иду к двери. Колени подкашиваются от слабости и страха.

- Погубил?!

Обгоняет, загоразивая выход.

Глаза хищные...

Закрываюсь руками крест-накрест. От страха сводит низ живота.

- Раз погубил, доведу начатое до конца! Если твоя культура не защищает тебя в этой ситуации, то я отказываюсь её принимать! И защищать буду так, как сочту нужным. В своей культуре. А ты судить будешь уже по факту. Туда, куда ты собралась, никогда не поздно попасть!

- Не понимаю... - шепчу я, отступая назад.

Он – шаг ко мне.

Я – назад.

Ещё шаг ко мне.

- Не надо...

Рывком оказывается между мной и диваном, на который я инстинктивно бросаю взгляд, чтобы разделить пространство между нами.

От ужаса застываю и зажмуриваюсь.

Что ему надо?!

Чувствую, как он вытягивает тяжёлые серьги из моих ушей. Щелчок застёжкой ожерелья – и каменная тяжесть исчезает с моей груди.

Пусть забирает! – начинаю плакать. Разве не знала, что так будет? С самого начала знала!

И чтобы он не трогал меня, сама снимаю кольца с рук, оставляя только сломанное мамино.

Протягиваю ему, не поднимая глаз.

Забирает, сыпает всё на стол. А я опять иду к двери. Теперь уж отпустит?

Но на плечи ложится тяжёлое одеяло. И он подхватывает меня на руки.

- Не надо... пусти... – умоляюще шепчу ему. – Ты говорил – брат... Не обидишь...

- Не обижу.

Несёт к дивану. Садится, сжимая меня крепче у себя на коленях.

От шока я даже не сопротивляюсь. Даже у мужа ни разу не сидела на коленях!

Только у Амира, когда была совсем девочкой!

Стыдно как... – горит моё лицо и всё внутри.

Вдыхаю его совершенно чужой, непривычный запах. Он проникает очень глубоко и лишает меня воли окончательно. Вижу, как мощно бьётся вена на его крепкой шее. Пальцы касаются моей щеки. Заправляет мои волосы за ухо. Губы прижимаются к виску.

В моих глазах темнеет.

– Яшенька... не бойся... – ласковые пальцы перебирают на затылке мои волосы. – Никому тебя не отдам... Тебя никто не обидит... Тебе не нужно ни о чём переживать... Ты сейчас для меня маленькая... девочка... И я обнимаю тебя как брат... Защищаю... от тебя самой...

И, может быть, от шока... А может быть – от жара... или от страха и стыда... А может быть от того, что мне хочется поверить в это невозможное...

Меня словно отключает, и я закрываю глаза.

Главное теперь – никогда не проснуться...

Глава 5

Спит...

Рвано вздыхает во сне, как обиженный ребёнок. Лицо вздрагивает то строгостью, то обидой, то страхом. Что-то снится. Глажу по волосам, успокаивая.

Губка разбита...

Смотреть на неё такую каждую ночь, целовать, ласкать, любить, а потом ударить и выгнать на улицу в холод. Как?! Не понимаю.

Прикасаюсь ко лбу. Горит.

Конечно! Столько простоять на этом ледяном ветру.

Вблизи, вот такая заплаканная, она выглядит гораздо младше, чем издали, со своим ярким, безупречным восточным макияжем.

Трогаю её тонкие пальчики. Аккуратно подношу к губам. Глажу...

Внутри всё замирает от пронзительности этих ощущений.

Красивая... Не могу отвести глаз от этих идеальных южных черт.

Колечко это сломанное... Единственное не отдала. «От мамы». Мама русская...

Ресницы начинают едва заметно, но часто моргать. Замираю, чтобы не проснулась. И как только её дыхание опять становится глубже, перекладываю на диван, устраивая поудобнее.

На улице уже темно. Подхожу к окну. В окнах её дома на первом этаже свет.

Неужели так и не вышел за ней до сих пор?!

Каждый день я смотрел на её силуэт. Она часто замирала у окна. Смотрел и придумывал разные ситуации, в которых смогу с ней пересечься. Обмолвиться словом или встретиться взглядом. Но такую и помыслить не мог!

Вижу, как её муж подходит к окну. Отдёргивает штору. Стоит, сложив руки на груди.

Даже искать не будет? Что за нравы?! Варвары...

Мне нужно сделать так, чтобы она не ушла туда.

Она, как мотылёк, оглушённый какой-то программой, летит в направлении этого, очевидно неприятного ей, огня, хотя банальное чувство самосохранения должно останавливать.

Бред?

Но всё очень серьёзно, на самом деле. Всё очень сложно.

Я должен оказаться на его месте в её голове. Тогда всё будет просто. Ей – спокойно. А мне...

Закрываю глаза. Делаю вдох поглубже. Чуть уловимо сказочно пахнет сандалом...

Как туда, на это место, попасть – я не представляю.

Замыкаю дверь. Прячу ключ.

Снова подхожу к окну. И застываю там, иногда поглядывая на часы. Почти два часа, как она «на улице». Минус три. Иногда сыпет снег. От ветра по густым кустам на моём участке идёт рябь.

Наконец-то, дверь открывается. Её муж выходит на крыльцо в халате. Высокий, крепкий, тёмный. Рукава натягиваются от выраженных, немного заплывших жирком, бицепсов. Массивный. Он ударил её... Щетина на лице придает ему суровости и возраста. Ёжится, укутываясь в халат сильнее, надевает капюшон.

Мне хочется сломать ему за это что-нибудь. Кулаки сжимаются.

Я не отдам её ему. Не отдам. Будем считать – выкрал. И плевать мне на её «позор отцу»! Если его честь дороже ему, чем дочь, мне плевать и на его честь, и на её честь.

Постояв на крыльце, обходит машину, заглядывает за угол дома.

Ищи, ищи...

Это теперь моя богиня. Назад не получишь.

Закрываю жалюзи.

На столе гора золота и драгоценных камней.

Бедная девочка... Разве можно спать во всём этом?!

Подкидываю в камин дров.

Разворачиваю кресло к дивану, чтобы видеть её лицо. Гашу свет. Блики от углей в камине пляшут по комнате. Устраиваюсь на кресле, вытягивая ноги на пуфик, и пытаюсь отыскать позу поудобнее.

Диван, конечно, раскладывается, и мы легко поместимся там вдвоём. Но... Но.

Достаю телефон. Завтра мне на соревнования с моими пацанами. Нельзя не поехать...

И часа два с утра меня не будет.

Было бы здорово, если бы она не проснулась. Но что-то мне подсказывает, что встанет и пойдёт как зомби к своему дому, на убой.

Что делать?

С собой не возьмёшь...

Два часа всего. Ну три...

Двигаю кресло ещё ближе. Беру её безвольную руку в свою. В груди бьётся болезненно и сладко. Беспокорно. Но уже совсем не так безнадежно, как утром.

Ночь с моей богиней. Я даже не мечтал...

Глажу пальчики...

И через какое-то время меня отключает.

Несколько раз просыпаюсь за ночь, убеждаясь, что происходящее не сон. И каждый раз меня прошивает адреналиновой волной. И потом долго не могу уснуть.

Можно сказать – так и не поспал. Но мне бодро и горячо.

Утром тихонечко встаю пораньше и собираюсь, стараясь не шуметь.

Перенесу спарринги своих пацанов на самое начало. Вернусь сразу же, как закончат.

Написать записку? Да только вряд ли она умеет читать по-русски. На всякий случай пишу и оставляю на столе рядом с её драгоценностями.

«Яся, я скоро вернусь. Ничего не бойся. Будь как дома».

Ресницы опять вздрагивают. Скоро проснётся...

Делаю ей чай с жасмином, оставляю на столе вместе с вазочкой со сладостями. Кладу на стол пульт от плазмы, чтобы особо не скучала.

Выхожу. Замыкаю её. И закрываю на окнах пластиковые ставни.

У дома напротив рядом с тачкой её мужа припаркована ментовская.

Значит, ищет.

Внутри каменеет.

Интересно, что ищет больше – её или то, что было на ней надето?

Опускаю забрало шлема и выжимаю газ.

Я теперь похититель?

Глава 6

Открываю глаза. Вместо привычной серебристой шторы вижу камин.

Не сон!!

В ушах шумит. Тело затекло от неудобной позы и тесного платья. И мне даже страшно представить, как я выгляжу. В таком виде перед чужим мужчиной! Лохматая, с грязным лицом, в мятом платье!

Выгляжу?!

Да мы спали рядом!

Зачем я проснулась?!

Натягиваю одеяло выше. Снова закрываю глаза.

Сердце бьётся как птичка, и рыдания подкатывают к горлу.

Зачем я дерзила? Зачем не промолчала?!

Бог наказывает меня!

Матери учили, как надо. Ослушалась, и вот...

Размазываю по лицу слёзы и наверняка тушь, тени... Разве можно так мужчине показаться?

На руках меня держал! Страшно вспоминать.

Страшно и стыдно. Ещё и уснуть умудрилась!

Бракованная... По-другому не скажешь! Падшая женщина!

Умереть бы от стыда!

Слушаю стук своего сердца.

Что там Джан думает сейчас обо мне? Жалеет? Или прогнал – и дело с концом?

Не могу никак представить его раскаивающимся в чём-то.

Отец накажет – сам печалится. Прощения попросишь – всегда примет, ласковый сразу становится. Джан не такой. Чем я покладистее – тем куражится больше!

Нельзя думать про Джана. Всё. Он прогнал. Назад нельзя после такого. Хоть год на коленях стой и голову пеплом посыпай.

Как жить дальше?

От стыда, к сожалению, не умирают.

Поднимаюсь, поправляю лямку, съехавшую с плеча. Оглядываюсь. Нет никого...

И я молитвенно складываю руки, поднимая глаза к небу. Спасибо!!!

Нет, я не слишком набожна. И, к своему стыду, вспоминаю о создателе только в самые страшные минуты. Мне кажется, это всего третий раз за всю жизнь, когда я молюсь самостоятельно, а не после напоминания старших.

И создателя тоже вспоминать нельзя. После такого не поможет.

На столе мои драгоценности. Внимательно рассматриваю. Всё там. Ничего не взял.

Рядом записка.

Там моё имя.

И ещё тёплый чай в кружке.

Мне?!..

Замираю.

Что он говорил вчера?

«Как брат», – говорил. – «Оставайся».

Лёша...

Глаза у него добрые. Не коварные. От сердца говорил? Пожалел?...

Как мне понять? Я же женщина. Меня легко обмануть.

«Маленькая», – говорил. – «Не бойся».

Тепло от его слов. Так Амир со мной говорил. Когда была маленькая, сильно заболела, лежала в бреду. И брат так же меня гладил и на руках держал.

От слов Джана никогда тепло не было. Даже когда в постели говорил ласково поначалу, всё равно было пусто внутри. И оглохнуть хотелось, не слышать. Как будто, чересчур всё. А вне кровати от него вообще тёплых слов не слышала.

Лёша...

Не обидел.

Нехорошо, конечно, сделал, что касался. Но он не понимает. У них так принято. Все могут касаться друг друга. Варвары... Но ведь не обидел. Как брат утешал.

Вдруг придёт сейчас???

Бегу в ванную. Смываю с себя макияж. Расчёски нет... Кое-как привожу в порядок свою копну гребнем, которым вчера были украшены волосы. Плету косу потуже.

Мокрыми руками приглаживаю атласное платье.

Смотрю на себя в зеркало.

Ужас! Глаза опухшие... Губа разбита. Некрасивая какая... Может, и лучше, что так. Плечи голые. Плохо.

На вешалке сушится его белая рубашка. Но я не решаюсь взять.

Выхожу в комнату. Никогда таких домов не видела.

Всё вместе. Кухня за стойкой. Здесь же и комната. Одна.

Только ванна с туалетом отдельно.

У нас не так принято. Мужчины на своей половине, женщины на своей.

Стою. Прислушиваюсь к себе. Кушать хочется...

На столе вазочка с печеньем.

Можно взять?...

Спросить не у кого.

Подхожу к окну взглянуть на свой дом. Но оно наглухо закрыто снаружи ставнями. Дверь заперта...

И что, так стоять буду?

Кто бы подсказал, что в таких случаях делать лучше!

Мама Наргиза бы сказала: «Делай, что женщине положено!»

Иду за стойку к кухне. Берусь за тряпку...

Через час всё блестит, как положено.

Что теперь делать?

Кушать готовить?...

Не знаю я! Можно это делать? А вдруг у него жена есть?...

У нас на кухне мама Айла главная. Попробуй, без спроса тронь что-нибудь!

Нет, не может быть у него жены. Как можно жить в одной комнате и мужчине, и женщине?

Нужно готовить. Что я буду без дела сидеть, как лентяйка! Некрасиво так.

Открываю шкафчики, холодильник.

Откуда я знаю, что он ест! – расстроено смотрю на продукты.

Плов? Плов везде едят...

На верхней полке куриный фарш.

И кебаб.

И лепёшки с сыром.

Может, суп ещё?

Не знаю...

Суп я готовлю не очень. Джан не любит.

На стене висит фартук. Надеваю...

Глава 7

Очень надеялся вернуться пораньше, но не вышло. Затянули с регистрацией. И сейчас лечу, обгоняя плотно идущие тачки.

Яся наверняка уже проснулась.

У дома скидываю скорость, с замиранием сердца разглядываю их машину, входную дверь... и её мужа. Он сидит в тачке и тоже внимательно смотрит на меня.

Она же никак не могла выйти?

А если у неё был с собой телефон?!

Твою мать! Я даже не проверил!

Паркуюсь, снимаю шлем. Слышу, как дверь его машины хлопает. Разворачиваюсь.

Мышцы каменеют. Машинально разминаю плечи, ноги автоматически встают в стойку.

Мхм... Двоечку в челюсть, бросок и на болевой... И руку сломать... Ту, которой губы разбил ей...

Встряхиваюсь.

Инстинкты требуют идти в лобовую атаку. Сказать как есть, поставить его перед фактом.

И я бы сделал это, будучи уверен в Жасмин.

Но сейчас так делать нельзя. Если он завалится с ментами и надавит на неё, она пойдёт за ним. Это без сомнений.

- Добрый день, - разглядывает меня.

- Добрый.

- Вы вчера вечером девушку не видели здесь? - склоняет голову набок, наблюдая за моей реакцией.

Он говорит как русский, совершенно без акцента. И вблизи выглядит немного моложе, чем мне казалось.

Несколько раз он ловил мои взгляды, направленные на Ясю. И мы молчаливо сталкивались. Он не идиот.

- Какую девушку?

Недовольно морщится моему вопросу. Мы оба понимаем, о ком речь. Но терпеливо описывает:

- Шатенка. Стройная. В вечернем открытом платье. Серебристом. С восьми до десяти вечера.

- В открытом платье? - не могу сдержаться. - Вчера? С восьми до десяти вечера? Вчера было очень холодно. Как она могла оказаться на улице в открытом платье? - поднимаю я бровь. - Поищите в морге. Или в госпитале, если повезло.

Вежливость с его лица стекает.

- Ты видел или нет?

– Нет.

– Как ты мог не заметить? – подозрительно. – Всегда приезжаешь в это время. Всегда на мою жену пялишься. Странно...

Между нами циркулируют адреналин, тестостерон и взаимная неприязнь.

– Действительно, странно. Но если бы я заметил такое, то, без всяких сомнений, обратился бы в какие-нибудь социальные органы, фонды, организации по «жертвам домашнего насилия». Может, тебе там жену поискать?

Разворачиваюсь спиной, демонстрируя, что разговор окончен.

Иду к двери. Сердце колотится.

Нужно было просто вежливо сказать «нет»! «Нет», и всё. Но не могу я, бл*ть, не могу!

Что теперь делать? Нагрянет ведь участковый, как минимум.

Делать тут можно только одну вещь – говорить с Ясей, убеждать, дать ей уверенность и другое плечо, за которым можно укрыться.

А ещё уехать отсюда.

Подальше.

Только вот куда?

У меня вечером три тренировки... Страхивая со спины его прилипший взгляд, я открываю ключом дверь и захожу внутрь, тут же захлопывая её за собой. Внутри ещё всё кипит от ярости и навязчиво крутится парочка сюжетов с его разбитой мордой.

Поворачиваюсь.

От кружащихся по квартире запахов желудок тут же сводит приступом голода. Сглатываю слюну.

- Яся? - отыскиваю её глазами.

Замерла за стойкой. Покусывая губу, неуверенно мнёт в пальчиках полотенце. Совсем юная без косметики, как девчонка. Красивая, яркая девчонка. В фартуке... босиком... Длинное платье затянуто в узел возле колен. Тонкие щиколотки с браслетиками, смуглые идеальные икры... Мне становится тяжело дышать, член настойчиво упирается в ширинку.

Заметив мой взгляд, спохватывается и одёргивает платье, на щеках румянец.

Оглядываю квартиру.

- Ты чего... делаешь?...

Нет, у меня бардака никогда не бывает, но... Вылизано всё!! До слепящего глаза блеска!

Растерянно смотрю на неё.

- Зачем?...

- Не надо было? - испуганным шёпотом.

- Ясь... да ты что?! Ты - гостья! Зачем ты, в самом деле?... Мне неудобно. Я могу сам убратсья! Ты как себя чувствуешь?

- Зачем сам? Женщина в доме... - опускает глаза.

Скидываю кроссовки, подхожу ближе, она обходит стойку, пяясь от меня.

- У тебя щёки горят. Я лоб потрогаю, и всё. Посмотрю, есть ли температура. У меня градусника нет.

- Тем-пе-ра-тура? – непонимающе.

- Жар. Ты горишь, по-моему. Болеешь, – пытаюсь объяснить ей.

- Нельзя трогать.

Чуть заметный шаг подальше.

Желудок урчит, реагируя на запахи. Я опять сглатываю слюну. Бросаю взгляд на плиту. Боже ты мой!! У нас что – банкет на двенадцать персон?!

- Можно я... стол накрыть? Кушать.

- Можно... – растерянно разглядываю, как она оживает.

- Здесь? – показывает на широкую барную стойку.

- Да. Давай помогу?

- Зачем? – подозрительно.

- Окей... – сдаваясь, поднимаю руки. – У нас какой-то праздник?

- Праздник?...

- Ты столько наготовила! Ты сама, что ли, всё это?... – в недоумении разглядываю, как стойка заполняется различными блюдами.

Ну конечно же, сама... Не «двое из ларца» же у неё тут в подчинении!

Мою руки. Она, отступив в сторону и соблюдая дистанцию, ждёт, пока я закончу.

- Что положить?... – внимательно смотрит на меня.

- Поставь себе прибор.

- Я после...

- Нет. Сейчас. Со мной. Не буду без тебя есть.

Нахмурившись, ставит тарелку для себя.

Немного неловкости от моих попыток перехватить инициативу, поухаживать - и я сдаюсь!

Пусть, если ей так комфортнее.

- Ммм... - замуриваюсь от удовольствия, пробуя очередное яство. - Ты знаешь, а я когда смотрел на тебя, думал, что... ты сама ничего не делаешь: не убираешься, не готовишь. Просто красивая богиня. И штат прислуги у тебя.

- Зачем прислуга, если жена есть? Бо-ги-ня?

- Богиня. Как Бог, только женщина.

Распахивает шокированно глаза.

- Не говори так!

- Почему?

- Осквернение. Женщины... порок... грязные... плохие... Нельзя сравнивать!

- Глупости. Дело в не том, какого ты пола, а в том, какой ты человек.

- Не так, - прищуривается. - Мужчины чище, умнее. Они от Бога.

- А если мужчины умнее, тогда верь мне! - улыбаюсь я. - Ты - не плохая, не порочная, не грязная. Ты чудесная девочка. Чистая, хорошая.

Краснеет.

- Нет.

- Нельзя с мужчиной спорить? - подмигиваю ей.

- Нельзя, - вздыхает, отводя глаза.

- Про это не спорь больше. Про другое - пожалуйста.

Не смотрит в глаза.

- Всё очень вкусно. Очень! Спасибо.

Отрицательно качает головой.

- Специй нет нужные. Как получилось...

- Скажи, какие ты любишь, я всё куплю.

Вяло ковыряет вилкой в плове. Глаза болезненно блестят.

- Яшенька, ты как себя чувствуешь?

Пожимает плечами, закрывая глаза. Прикасаюсь тыльной стороной руки к её щеке.

Вздрагнув, дёргается назад.

Горячая.

- Тебе нужно выпить таблетку!

- Таблетку... - замирает она, глаза опять испуганно распахиваются. - Таблетку...

Лицо идёт пятнами.

Закрывает ладонями.

– Мне нужно таблетку...

Опускает руки и заторможенно, не мигая, смотрит перед собой.

– Мне нужно идти отсюда. Домой. Никак нельзя здесь. Я глупая... – слёзы текут из глаз. – Не подумала. Женщина! – словно оправдываясь. – Всё.

Глава 8

Кладу на стол вилку. И что это такое? Мне казалось, мы договорились.

Женщины... – вздыхаю я. «Семь пятниц на неделе!»

Наблюдаю, как она обувается и, бросив взгляд на свои драгоценности, на несколько секунд застывает. Затем опускает плечи и идёт к двери, захватив свою сумочку.

Молчу.

Дёргает за ручку. Естественно, закрыто.

Поворачивается, не поднимая глаз.

– Закрыто...

– Закрыто, Яся.

Растерянно стоит.

Перевожу взгляд на золото.

- А почему ты не взяла свои драгоценности?

- Ты забрал... Теперь не мои.

Закрываю глаза. Как же это сложно будет!

- Ясь, не забрал. Я с тебя их снял, чтобы ты отдохнула. Они твои.

- Я могу надеть? - поднимает глаза.

- Можешь. Но я прошу тебя: не надо. Убери их в свою сумочку, и пусть полежат пока там.

Нерешительно мнётся у двери.

- Иди сюда. Я помогу.

Подходит к столу. Открываю её сумку, складываю всё аккуратно внутрь.

- Это твоё.

- Дверь... - оглядывается.

- А дверь не могу открыть, - отрицательно качаю головой. - Садись, поговорим.

А это - мужчины, да.

Сажусь напротив неё, на кресло.

- В каждом доме, Яся, свои правила, так?

- Так... - неуверенно.

- В моём доме такие правила: никто никуда не убегает. Если есть какая-то проблема, то мы садимся, обсуждаем и решаем её. Вместе. Что за проблема с

этими таблетками?

- Они дома.

- Что за таблетки?

- Не могу говорить такое, - категорично качает головой.

- Почему?

- Нельзя мужчине говорить. Только мужу.

- Яся. Нет его. НЕТ, - мне хочется оскалиться на неё, но я сдерживаюсь.

Нет, не на неё. На него, конечно же. И немножечко на её нелогичное упрямство.

- Я даже по-другому скажу. Тебя у него больше нет! Ты понимаешь разницу? Всё! - поднимаю руки ладонями к ней, как обычно делает это она. - Он тебя обижал. Он тебя бросил на улице в опасности. И теперь тебя нет у него. Он тебя потерял. Я - нашёл. Ты есть у меня, и я хочу заботиться о тебе лучше, чем заботился он. Позволь мне, пожалуйста.

Внимательно слушает.

- Тебе нужна забота. Ты не умеешь пока жить в нашей стране. Я буду тебя этому учить. Ладно?

- Ладно.

- Ты болеешь чем-то?

- Нет.

- От чего таблетки?

- Не могу говорить мужчина, - упрямо поджимает губы.

- Тебе нужно пить их каждый день?

- Да. Врач сказал каждый день.

- Какой врач? Что он лечит?

- Не могу говорить... - краснеет.

- Название таблеток?

Отрицательно качает головой.

Ну ё-моё... Что это может быть?!

- Почему ты не хочешь сказать?

- Только муж такое должен знать. Ты - не муж. Он сказал - пей. Я подчиниться.

- Ты хоть знаешь, что ты пьёшь и зачем пьёшь?!

- Да, - опускает глаза.

- Говори немедленно! - поднимаюсь на ноги.

Молчит, сжимаясь.

- Ты можешь их не пить?

- Да. Но... - кусает губы.

- Тогда не пей.

- Женщина такое сама не может решать!

Зависаю...

Восточные загадки, твою мать!

Не болеет... Каждый день...

- Противозачаточные, что ли?

Отводит глаза, закрывает их.

- Да?

- Да.

- Тоже мне проблема! Стой... Почему сама не можешь решать - предохраняться тебе или нет?

- Детей Бог даёт. Я - кто, чтобы против быть? Нужно рожать!

- Но ты же пьёшь, - недоумеваю я.

- Муж сказал. Не хочет детей. Обеспечивать не хочет.

- Муж выше Бога?

- Через муж Бог управлять женщиной. Не достойна, чтобы Бог прямо обращаться. Глупа. Не поймёт.

- Пока, что-то, я не понимаю.

- Что не понимаешь? - пожимает плечами. - Бог сказать исполнять все желания мужа. Он отвечать перед ним. Ты - если покорна, то нет.

- Ммм... Удобно. Но мы с тобой этим путём не пойдём. Ты сама хочешь предохраняться?

- Лёша, - закрывает лицо руками. - Не надо говорить со мной. Нельзя про это!

- Да что здесь такого!? Давай по-вашему тогда? Я же мужчина? И вот я тебе разрешаю решить самой: пить эти таблетки или не пить.

- Ты - не муж.

Мне хочется вытрясти из неё всю эту чепуху!

Присаживаюсь к её ногам, отрываю от лица руки.

- Яшенька. Тогда не пей их, ладно? Чёрт с ними.

- Врач сказал, если не пить, то... Не могу сказать, - отрицательно качает головой.

Встаю, делаю пару кругов по комнате. Никогда я не был сильным в схоластике, но, видимо, придётся начинать это противостояние. Приз того стоит.

Присаживаюсь снова к её ногам.

- Яся...

Подбираю слова, чтобы она поняла меня. Мысль непростая...

- Бог создаёт нам различные ситуации, правильно?

- Что заслужили?

- Да. И даёт нам различные...ммм... возможности, средства, таланты, людей... чтобы мы смогли преодолеть эти ситуации, так?

- Прео-до-леть?

- Решить, справиться.

- Так... - подозрительно.

- И вот тебе дал Бог такую ситуацию. Так?

- Заслужила, - опускает глаза.

- И дал меня. Мужчины же от Бога?

- Только муж!

- Да чёрт возьми! Давай по-другому. Вот ты сейчас хочешь пойти к мужу. Расскажи мне последовательно, что будет. Вот ты выйдешь, постучишь в его дверь... давай...

С её внимательного лица исчезает интерес, выражение меняется на обречённое.

- Откроет. Пустит. Вопросы задаст. Отвечу правду...

- Дальше.

- Бить будет. Скажет - развод. Пошла прочь.

- Дальше.

- Всё.

- Дальше!!

- Всё.

- Всё - это умерла?

- Я не знаю. Уходить куда-то надо...

- Куда?

– Я не знаю. В моей семье никого не прогоняли.

– Ну что-то же делают те женщины, которых прогоняют!

– Да. Кто себя убивать. Кто просить у всех. Кто тело продать. Кто в слуги просится к бывшим родным. Если есть золото – продать. Живут как-то, наверное.

– Тебе какой вариант больше симпатичен? – со злостью всматриваюсь в её лицо, по которому текут слёзы.

Ну что ж такое... – пытаюсь стереть, но она отстраняется от моей руки.

– Я тебе предлагаю другой вариант. Ты не идёшь к мужу. Тебя никто не бьёт. Ты остаёшься со мной. Я тебя берегу, забочусь, помогаю! Яся, ну я же по взгляду вижу, что ты умная девчонка. Ну что ты заладила, как запрограммированная, «к мужу, к мужу, заслужила»! Чего ты там заслужила?! Нельзя тебе туда. Нет смысла! Ты понимаешь?

– Я понимаю. Мне просто... страшно, – закрывает лицо руками и всхлипывает.

Сажусь рядом и обнимаю её, прижимая крепко к себе. Не позволяя отстраниться и вырваться.

А она пытается, отталкивая меня и выворачиваясь.

– Нет! – рявкаю я. – Всё, Яся. Конец света у тебя. Твоя версия мира разрушена. Старых правил больше нет. Теперь будешь жить в моей. В моей версии, когда женщине страшно, мужчина её утешает. Я несу ответственность перед Богом, ты – покорная и ни за что не отвечаешь. Покорная – необязательно. Но не убегаешь никуда. Хорошо? Всё обсуждаем и находим решение.

Глажу по волосам. Вдыхаю глубже её будоражащий запах. Губы тянутся к идеальной коже. И голова кружится от этой резкой близости.

Перестаёт вырваться.

– Всё хорошо будет, – перехожу на шёпот. – Ты же видишь, я тебя не обижаю. Чувствуешь?...

Чуть заметно кивает.

– Прикасаюсь – плохо.

– Почему? – поправляю волосы, поднимаю её лицо. – Не отвечай. Знаю я, что ты ответишь. Послушай меня лучше. Ты очень красивая. И меня, как мужчину, очень к тебе тянет. Но я не буду насильно ничего делать. Обнимать иногда буду. Потому что вижу, что тебе это надо сейчас – принадлежать кому-то, чтобы чувствовать защиту. У нас в России так принято: плохо человеку – обними! Я хочу стать тебе самым близким. И мне очень нужен небольшой аванс доверия от тебя.

– Аванс?

– Да. Долг. Взаимы. Я его оправдаю!

– Прости. Сложно понять.

Закрываю глаза. Вдох поглубже. Ведь ей, и правда, сложно.

– Как будто ты маленькая, а я – брат. Так буду обнимать. Чтобы успокоить.

И нет, мне нисколько не стыдно за эту маленькую ложь! Не могу, как брат её обнимать. Тело сходит с ума! Но я же держу себя в руках...

– Разберёмся и с твоими таблетками. Но только мы с тобой должны действовать как команда, понимаешь? Вместе.

– Команда?

– Всё вместе. Всегда вместе. Ты под моей защитой и слушаешься, всё мне говоришь. Я – забочусь. Решаю все проблемы, вопросы.

– Семья.

- Семья! - соглашаюсь я.

- Но ты - не муж. Как брат? - опасливо.

- Да. Пока - как брат. Яся, ты мужа ведь не любишь своего?

Отрицательно качает головой.

- Тебя насильно выдали за него?

- Нет. Отец сказал: «Достойная семья. Джан молодой, здоровый, образованный. Пора замуж». Что делать? Надо подчиниться. Джан обещал, что в России будет хорошо. Свободнее. Жить буду так же. Разрешит учиться. Может быть, даже работать в достойный место. Всё по-другому оказалось. Нервы... долги... вино... Я плохая всегда... Люди недостойные всегда с ним... смотрят как на... фахище! - выплёвывает она. - Он угождает им! Так же на меня смотрит с ними. Отец достоинство всегда к жёнам. Честь! Так не было!

- Подай документы на развод. Вас быстро разведут. И ты не будешь никак связана с ним. Тогда уже... - сглатываю я. - Если ты захочешь...

- Документы? Никаких документов. Должен муж сказать «развод» - и всё.

- Как так?...

- Так.

- И всё? Вы не женаты?!

- Женаты.

- Паспорт? Свидетельство о браке? В России женаты? По нашим законам?

Отрицательно качает головой.

- По нашим законам. Имам Никях.

Это что ещё такое?

- Паспорт твой у него?

- Россия - в сумке. Турция - у мужа.

Дотягиваюсь, достаю. Открываю страничку семейного положения - печати нет!

- Кемал Жасмин, гражданка России... - читаю я вслух. - Год рождения... Тебе восемнадцать только исполнилось?

- Да.

- Как давно ты замужем?

- Пять месяцев. Плохо ещё говорю по-русски... Мало со мной говорил.

- А гражданство как ты получила так быстро?

- Мама русская. Её нашли. Она помогла. Я не видела её. Муж сказать - нельзя.

- Ладно. Это всё потом. Почему тебя так расстроили эти таблетки?

- Перестаёшь пить - через день... - кусает губы, не глядя в глаза. - Нельзя находиться рядом с мужчиной. Только в своей комнате. Женская половина. Харем. Готовить нельзя. Ничего нельзя. Здесь нет женская половина. Как остаться?!

- А, - доходит до меня. - Тоже мне трагедия! В твоей новой версии мира, утвержденной мною, в такие дни можно находиться рядом мужчиной. Даже нужно! Лежать на диванчике, пить чай и смотреть сериалы, - улыбаюсь я. - А... я... буду тебе готовить что-нибудь вкусное и носить шоколадки. Обещаю, тебе понравится! Как таблетки назывались? Пойдём, закажем.

Открываю на ноутбуке сайт аптеки и свой аккаунт. Находим её таблетки. Заказываю.

– Выбери всё, что тебе будет нужно, как девочке. Понимаешь меня?

Кивает.

– Кликаешь на картинку – и всё. Здесь шампуни... здесь средства гигиены... Там всё упакуют и привезут сюда. Вот ещё один магазин. В этой вкладке. Умеешь пользоваться?

– Немножко.

– Магазин одежды. Ты, конечно, очень красивая в этом платье. Но... Наверное, ужасно неудобно в нём дома. Выбери то, в чём тебе будет комфортно. И бельё... С размерами разберёшься? Если что, я могу...

– Я сама!

– Хорошо. Если не подойдёт, можно будет потом поменять.

От отсутствия привычной ей дистанции между нами плечи Яси напрягаются, и она вся сжимается.

Рассматриваю её профиль. На левой скуле красивая родинка в стиле когда-то очень модной «мушки», которую приклеивали модницы старых времён. Не зря клеили...

Мне хочется впиться в эти чуть опухшие губки. Но я ещё так далёк от этого момента, как от...

– Лёша... – поднимает на меня свои огромные ясные глаза.

– М? – застываю, тут же забывая, куда девать руки.

Мы молча смотрим друг на друга.

Ресницы густым веером ложатся на скулы.

– Спасибо.

Глава 9

Пришлось практически нарычать, чтобы выпроводить её с кухни и вымыть посуду самому. Убираю еду в холодильник, она с недоумением поглядывает на меня.

– Я что-то делаю не так, как ты привыкла?

– Выбросить надо...

– Вот это всё... – обвожу глазами многочисленную вкуснятину, – выбросить?! Нет уж! Все одинокие мужчины меня проклянут!

– Как это? – прищуривается она удивлённо.

– Это шутка! Зачем выбросить-то?

– Или отдать.

Отдать некому. Мне не съесть столько.

– Я не хочу это выбрасывать или отдавать. Я хочу это съесть сам. Немного позже.

– Ещё приготовлю. Нельзя второй раз подавать. Только женщины могут есть. Мужчине нельзя.

– Мм... Знаешь, я не такой уж привередливый, чтобы вынуждать тебя готовить три раза в день. Буду тебе безумно благодарен хотя бы за один. Но и этот один ты не обязана. Особенно когда плохо себя чувствуешь. Ты готовишь, только если тебе этого хочется. Договорились? Посуду мою я, по возможности.

Вытираю руки полотенцем, сажусь напротив.

Знаю, что её напрягает, но совершенно не могу удержаться. Тянет как магнитом.

– Договорились?

– Я буду... – ресницы падают и снова взлетают. – Как ещё мне... отдать тебе... платить? Отплатить?

– За что отплатить?

– Что я здесь. Я... не хочу... – качает головой. – Платить другим. Ты так смотришь... Говоришь – брат. А смотришь, как...

Отвожу глаза.

А я не могу это контролировать. И врать тоже не хочу. Но и откровенно давить, открыто выражая свои чувства... А если не выражать, то никогда мы с мёртвой точки не сдвинемся.

Растерянно разглядываю свои руки, не поднимая на неё глаз.

Мне хочется обнять и ничего не объяснять. Но я чувствую её тревожный взгляд.

Делаю вдох поглубже.

– Тема «отплатить» в этом доме объявляется запрещённой.

– Не понимаю.

– Ты остаёшься здесь, потому что здесь тебе лучше и безопаснее, чем в любом другом месте сейчас. Я рад, что ты здесь, потому что... потому что... мне это очень приятно – иметь возможность помочь тебе в сложной ситуации, быть к тебе ближе. И я тебе благодарен, что ты позволяешь. Но я не собираюсь этим пользоваться так, как ты думаешь. Ты меня понимаешь?

Неуверенно кивает.

- Не хочешь... ммм... как женщина? - склоняет голову набок.

Падаю ладонями в лицо и потираю его.

А затем поднимаю глаза и выпускаю то, что бушует внутри меня, откровенно съедая её взглядом. Дыхание сбивается.

- Хочу.

Застывает. Медленно и испуганно отстраняется от меня дальше.

- Но! - продолжаю я. - Стой! Я не хочу получить тебя, как... - подбираю слова, - трофеем, добычу. Не хочу, чтобы ты от безвыходности позволила мне использовать себя, взять себя. Я хочу, чтобы между нами были чувства. Чтобы ты сама захотела быть со мной. Узнала меня ближе и начала чувствовать то же самое, что и я. Хочу тебя завоевать.

- Не надо воевать! - качает головой. - Из-за женщины нельзя...

Улыбаюсь ей.

- Все войны из-за женщин!

- Джихад - нет. За веру. Это можно. Другое - нельзя!

- Уговорила, воевать не будем. Я имел в виду - завоевать. Это... сделать так, чтобы ты меня полюбила.

- Любовь - плохо...

- Почему?

- Больно. Тяжело. Обидно.

– Любовь... – прислушиваюсь к себе. – Нежность... Тепло... Удовольствие...
Страсть... Близость!

Внимательно слушает.

– Если ты захочешь, в любой момент я возьму тебя в жены. По нашим законам.
Чтобы тебе было спокойно.

– Зачем? Ты хороший будешь муж. Тебе другая нужна. Чистая. Покорная. Что
отец тебе говорить будет?

– Мне не нужна другая. Мне нужна ты. Ты идеальная!

– Я?! – удивлённо хмурясь. – Нет! Только красивая, и всё!

Загибает пальчики, осуждающе качая на себя головой.

– Дерзкая! Смирения нет! Желаний много! Вера слабая! Испорченная уже! Не
молодая! Муж прогнал! Готовлю плохо! Холодная как... – хмурится, глядя в
потолок и вспоминая, – ... рыба!

И от каждого эпитета меня взрывает смехом.

– Стоп, подожди. Восемнадцать – немолодая?

Отрицательно качает головой.

– Шестнадцать – хорошо. Восемнадцать – уже много. Мать уже должна быть.
Двадцать... – морщится, качая головой. – Что-то не то, раз не замужем. Больная,
уродство или ещё что-то.

– Ладно, а что там было с рыбой?

Опускает глаза, но я вижу, как от эмоций её грудная клетка ходит ходуном.

– Плохо говорить про такое.

– Я тебе разрешаю. Говори! Здесь можно говорить обо всём. Я же тебе всё говорю. И ты, пожалуйста, говори мне всё.

– Эм... не могу дать удовольствия мужу, – гаснет её голос. – Ублажать, как следует. Холодная. Как это?... Фри... – неуверенно смотрит мне в глаза, – ги...

– Фригидная.

Кивает.

– Тебе нужна хорошая жена. Не такая.

– Это неправда. Это не про тебя. Мне нужна именно ты.

Меня прёт и от этого откровения, и от этих наивных голубых глаз.

И совсем не отталкивают её слова. Наоборот – успокаивают. Потому, что мне гораздо легче принять то, что ей не нравилось заниматься с ним сексом, чем то, что она суперстрастная наложница, кайфующая от того, что он делал с ней.

– Правда, – непосредственно пожимает плечами.

– Неправда. Я тебе докажу! Потом, – добавляю поспешно. – Ты очень живая, чувствительная, чувственная, трепетная. Этого просто не может быть. Причина не в тебе.

Я сглатываю от вида её приоткрытых губ и медленно моргаю.

– Не будем, пожалуйста, говорить, – поднимает руки. – Тема нельзя такую. Я нечаянно... Вырвалось... Глупая.

– Очень хочу тебя поцеловать, – вырывается у меня, и я прикасаюсь пальцем к её нижней мягкой губке.

Отстраняется.

– Рот?! – удивлённо и скептически.

Недоумеваю, пытаюсь понять её реакцию.

– Конечно.

– Нельзя! – округляет глаза, объясняя мне как инопланетянину. – Женщины – грязные. Мужчины – чистые. Нельзя рот!! С одной посуды есть нельзя!

– Господи, – выдыхаю. – Ну какая чушь!

Это не её вина, конечно. Если с детства внушали...

Стоп.

– Подожди! Тебя никогда не целовали в губы?!

Смотрит на меня, как на сумасшедшего.

Твою мать! – у меня подскакивает давление и всё, что может подскочить.

Я хочу это сделать. Я хочу это сделать прямо сейчас!

Но резкий звонок в дверь разносит в клочья нечаянную откровенную атмосферу между нами.

Глава 10

Яся застывает. В её глазах тихая паника.

– Не надо бояться. Ты со мной? Ты хочешь остаться здесь со мной?

Кивает. Нервно и быстро. Кусает дрожащие губы.

– Вот так и говори, поняла? «Я хочу остаться здесь!» Ничего не бойся. Я не отдам тебя. К тебе никто не прикоснётся.

Ещё один звонок. Долгий и требовательный.

Включаю видеоглазок.

Ну, собственно, как и предполагал, наш местный участковый.

Иду открывать. Мы знакомы.

– Добрый день, Алексей.

– Привет, Анатолий Иванович.

Пожилой, но давно обросший «золотыми» связями и достаточно борзый дядька, чтобы уговорить золотую молодёжь этого района.

Мы хорошо знакомы. В прошлом году уговорил Миху участвовать в программе по трудным подросткам. У нас тренируется группа из местных пацанов, попавших на учёт. И сейчас я очень рад, что подписался на эту историю. Вот это, на мой взгляд, и есть Божий промысел. Ты делаешь добро и получаешь какие-то бонусы за это. И близкое знакомство с нашим участковым – мой бонус.

– Пригласишь?

За его спиной вижу мужа Яси. Как там его... Джан, кажется?

– Это понятия? Или так, сочувствующие?

– Пока – сочувствующие.

– Тогда пусть посочувствуют оттуда. Заходи. Один.

Закрываю дверь перед носом Джана. На ключ.

– Чаю? С жасмином.

– Не откажусь, – вздыхает он, глядя на стоящую в дальнем углу комнаты Ясю. – Здравствуйте... Жасмин, если не ошибаюсь.

– Здравствуйте... – шёпотом и опуская глаза.

– Лёха, ты идиот? – снижая голос.

Присаживается за стойку бара.

– Разве я нарушил закон?

– Конечно! Ты в курсе, что у нас заявление на похищение?!

– Расследуйте. Я не скрываюсь. Похищения не было. Она добровольно здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ram_yanka/cvetok-vostoka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)